

Научная статья
УДК 343.61:343.97
doi: 10.17223/15617793/476/27

Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности»

Данил Аркадьевич Корецкий¹, Елена Сергеевна Стешич²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹ koretski@mail.ru

² esteshich@mail.ru

Аннотация. Предлагается введение в научно-практический оборот термина «новая нормальность», под которой понимается совокупность форм поведения, которые традиционно и устойчиво противоречили принципам юриспруденции и нормам морали, но в настоящее время получили распространение и в силу многократного неосуждаемого повторения постепенно закрепляются в общественном сознании и практике в качестве нормы. Законотворчество периода «новой нормальности», согласно исследованию авторов, весьма противоречиво и, с одной стороны, необоснованно завышает уровень уголовно-правового потенциала, а с другой – столь же необоснованно смягчает оценку некоторых деяний.

Ключевые слова: новая нормальность, упреждающая профилактика, предотвращение, пресечение, «группы смерти», законотворчество, правоприменение

Для цитирования: Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 248–256. doi: 10.17223/15617793/476/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/27

Criminal and legal aspects of preventive activities in the conditions of the “new normality”

Danil A. Koretsky¹, Elena S. Steshich²

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ koretski@mail.ru

² esteshich@mail.ru

Abstract. The article proposes an introduction to the scientific and practical use of the term “new normality”, which is understood as a set of behaviors that traditionally and consistently contradicted the principles of jurisprudence and moral norms, but have now become widespread, and, due to repeated non-judgmental repetition, are gradually being fixed in the public consciousness and practice as a norm. In the course of a specific criminological study, the authors come to the conclusion that the novels of the “new normality” have become widely used at the stage of prevention of criminal law norms, although their general and special prevention is already in effect when a crime has been committed and the perpetrator has been criminally punished. In addition, this stage involves the elimination of the causes and conditions that contribute to the crime, and currently a prohibitive and restrictive approach to the turnover of objects or instruments of crimes and accidents prevails. The authors note that the lawmaking of the “new normality” period is very contradictory and, on the one hand, unreasonably overestimates the level of criminal legal potential; on the other hand, it also unreasonably softens the criminal legal assessment of some acts. The authors note that when planning preventive work, it should be assumed that suicides of minors and numerous previously unknown acts of violence by young people (beatings of peers and elementary school students with video recording and subsequent posting on the Internet, similar actions with brutal killings of animals, shootings with the police, murders and stabbings in schools followed by perpetrators’ suicide) are based on internal causes of modern Russian society: alienation of an individual, indifference to each other, dissatisfaction with their position, social frustration, coarsening of morals, aggression and violence, unprecedented stratification of society according to material and power characteristics that replaced the Marxian division of society into classes in connection with the attitude to ownership of the means of production, selective operation of the law, lack of justice.

Keywords: new normality, proactive prevention, prevention, suppression, “death groups”, lawmaking, law enforcement

For citation: Koretsky, D.A. & Steshich, E.S. (2022) Criminal and legal aspects of preventive activities in the conditions of the "new normality". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 248–256. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/27

С первых дней советской власти правоохранительные органы не оперировали термином «профилактика». В то время упор делался на войне с преступностью – преступниками были представители свергнутых классов, да и представители свергнутых классов априори считались преступниками. Основным и универсальным термином являлось понятие «социальная защита», предусмотренное в разделе третьем УК РСФСР «Общие начала уголовной политики РСФСР».

В каком смысле использовалось эта формулировка, становится ясно, когда читаешь о высшей мере социальной защиты – расстреле, об объявлении врагом трудящихся, лишении гражданства, изгнании из СССР, об уголовной ответственности несовершеннолетних с двенадцати лет и т.п.

Нет необходимости анализировать профилактический потенциал мер социальной защиты, ибо эти меры достаточно хорошо изучены и получили общественное и государственное осуждение на XX съезде КПСС, который в то время являлся де-факто высшим органом государственной власти, а впоследствии, после принятия Конституции РСФСР 1978 г., получил юридический статус высшего органа «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы, государственных и общественных организаций».

К 60-м гг. прошлого века уголовная политика смягчилась, появились уголовно- и административно-правовые меры, специально направленные на предотвращение преступлений. К ним относится уголовно-правовой запрет тунеядства, бродяжничества и попрошайничества, проживания без прописки, возможность помещения в лечебно-трудовые профилактории хронических алкоголиков и наркоманов, а также помещение в воспитательно-трудовые профилактории бродяг и попрошайек. Надо сказать, что эти меры действительно позволяли профилировать те виды отклоняющегося поведения, которые предшествуют и, как правило, заканчиваются совершением преступлений, но они противоречили Всеобщей декларации прав человека и, по мере интеграции СССР в европейское сообщество, были отменены.

В начале 70-х гг. значимость теории профилактики преступлений и правонарушений сильно возросла, ее проблемы стали изучать выдающиеся ученые-криминологи Г.А. Аванесов, М.М. Бабаев, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, В.К. Звирбуль, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, А.Г. Лекарь, Г.М. Миньковский, Э.Ф. Побегайло, А.Б. Сахаров и др.

В результате была выработана четкая система понятий борьбы с преступностью, ее предупреждения и структурных элементов: профилактики, предотвращения и пресечения преступлений. Основным постулатом предупредительной деятельно-

сти стало представление о том, что на общесоциальном уровне осуществляется собственно профилактика – устранение причин и условий мерами экономического, культурно-образовательного, организационно-управленческого, правового и т.п. характера. Впрочем, не все поддерживали такой подход. Так, Р.В. Жубрин, соглашаясь, что преимущества предупреждения преступности в ряду основных направлений борьбы с ней особенно рельефно проявляются в криминологической профилактике, которая представляет собой наиболее раннее вмешательство в цепь явлений, процессов и событий, детерминирующих преступность, высказал иное мнение: «Вопреки традиционному и общепринятому в отечественной криминологии тезису отсутствуют основания для выделения так называемого общесоциального уровня предупреждения преступности, под которым понимается прогрессивное развитие общества. Последнее является не самым предупреждением, а его необходимой предпосылкой. И в этом своем качестве оно обладает значительным антикриминальным потенциалом, для реализации которого требуются целенаправленные усилия» [1. С. 627–637].

С такой позицией можно частично согласиться: общесоциальные меры направлены на совершенствование общества, которое, достигнув идеала, само собой избавится от преступности. Но пока до идеала далеко, и хотя уголовно-правовые нормы в полной мере работают *post faktum*, уже после совершения преступлений реализуя заложенную в них частную и общую превенцию, сам факт их существования оказывает психологическое превентивное воздействие на граждан и, теоретически приближает нас к желаемому идеалу. Ниже изображена структура предупредительно-профилактических мер, являющихся значимым элементом борьбы с преступностью, и каждая составляющая их стадия имеет свой объем уголовно-правовых мер.

На уровне профилактики, как уже отмечалось, преобладают меры общесоциального характера, уголовно-правовые меры применяются на личностно-микросредовом уровне, начиная с точек 2 или 3, и их интенсивность нарастает по мере приближения действий лица, взаимодействующего с конкретной криминологической ситуацией, к моменту совершения преступления – точке 4, после чего снижается до точки 8. В соответствии с темой настоящей статьи, мы рассматриваем применение уголовно-правовых мер только на первом отрезке: от точки 2 до точки 4. На стадиях предотвращения и пресечения уголовно-правовые нормы могут применяться за конкретные преступления, которые готовятся или уже начаты.

Рис. 1. Структура предупредительно-профилактических мер

При этом следует особо обратить внимание на то, что на стадии предотвращения применение уголовно-правовых мер возможно только при реальном совершении вполне конкретных действий: приискания, изготовления, приспособления средств или орудий, приискания соучастников, сговора, либо иного умышленного создания условий для совершения преступления. Обнаружение умысла на преступление само по себе не позволяет применять меры уголовно-правового воздействия, хотя может служить основанием для оперативно-профилактических мероприятий.

Однако в последние годы эти казавшиеся незыблемыми и аксиоматичными постулаты предупредительно-профилактической работы претерпели существенные изменения, и стали элементами «новой нормальности», под которой понимается совокупность форм поведения, которые традиционно и устойчиво считались ненормальными и противоречили принципам юриспруденции, нормам нравственности и морали, но в настоящее время получили широкое распространение, не прямое или явное одобрение, а в некоторых случаях – нейтралитет, выливающийся в попустительство со стороны властных и общественных структур, и в силу многократного неосуждаемого повторения постепенно закрепляются в общественном сознании, юриспруденции и государственной идеологии в качестве нормы [2. С. 9–16; 3. С. 184; 4. С. 123–131].

Новеллами «новой нормальности» стало все более широкое использование **на стадии профилактики** уголовно-правовых норм, хотя совершенно очевидно, что они в принципе не могут достигать подобной цели: общая и специальная превенция действует (с разной степенью эффективности) уже тогда, когда преступление совершено и виновный подвергся уголовному наказанию!

Так, массовые расстрелы, ранее регулярно повторяющиеся в США, к сожалению, вошли в последние годы и в российскую криминальную практику. Последние имели место совсем недавно в Нижегород-

ской области, где 12.10.20 г. 18-летний М. застрелил четверых и ранил двоих родственников и посторонних лиц, и в Казани, где 11.05.21 г. 19-летний Г. открыл огонь в казанской гимназии № 175 из законно хранимого охотничьего ружья. В результате нападения погибли 9, пострадали 22 человека.

По сведениям общего характера, почерпнутым из СМИ, можно сделать вывод о том, что «массовые расстрелы» совершали лица, испытывающие фрустрацию, озлобленные на всех, или отдельные социальные группы (соученики, учителя, сослуживцы, сотрудники правоохранительных органов, соседи), таким образом мстящие якобы «виновным» в их неудавшейся жизни. Этот вывод вполне коррелируется с ростом в обществе напряженности, агрессивности, конфликтности, выливающейся в драки в общественном транспорте, кровавые стычки между участниками дорожного движения, убийства родителями детей и детьми родителей, немотивированные уличные убийства, суициды (в том числе и групповые) несовершеннолетних и молодежи, жестокие избиения подростками людей или убийства животных с видеофиксацией и последующим выкладыванием в интернет, массовые расстрелы, совершаемые ими же... [5].

Однако перечисленные негативные явления не становятся предметом пристального и целенаправленного изучения, причины и условия их не выявляются, а нередко и наоборот – скрываются. В период «новой нормальности» возобладал и получил значительное распространение запретительно-ограничивающий подход к обороту предметов или орудий преступлений и несчастных случаев (например, гражданского оружия, спиртосодержащих жидкостей) вместо устранения причин и условий, которые, как известно, носят социальный характер и требуют большой, кропотливой и затратной работы, которую не заменит ни один самый быстрый и дешевый (а иногда и приносящий доход бюджету) запрет!

Так, на фоне «резонансных» вооруженных преступлений и необоснованных спекуляций о повышен-

ной криминогенности огнестрельного оружия ограниченного поражения (ОООП) возраст его приобретения был безосновательно повышен с 18 до 21 года, при этом возраст для приобретения куда более опасных, смертоносных охотничьих ружей оставался прежним – 18 лет, и мог быть снижен при определенных условиях на 2 года! Каждый последующий массовый расстрел: Керченский (2018 г.) [6], Нижегородский (2020 г.) [7], Казанский (2021 г.), вызывал оживленные дебаты на эту тему, а после последнего возраст приобретения огнестрельного гражданского оружия был все-таки поднят до 21 года. Но этот порог не обоснован ни криминологическими исследованиями, ни анализом статистики, ни мнением специалистов. Между тем, по данным криминологических исследований, вооруженные преступления совершаются в основном следующими возрастными группами: 22–28 лет (50% одиночных и 33% групповых преступлений); 29–39 лет (25,7% одиночных и 26% групповых). В имеющейся выборке лица старше 45 лет вооруженных преступлений не совершали [8. С. 33]. Но вряд ли кому-нибудь придет в голову предложить поднять возраст приобретения оружия до 45 лет!

Кроме того, после каждого расстрела поднимается вопрос об ужесточении психиатрического освидетельствования кандидата, оформляющего лицензию на приобретение оружия. При этом авторы подобной инициативы забывают о том, что даже печально известный Чикатило и другие маньяки, на счету которых десятки садистских убийств, при стационарных экспертизах в институте Сербского признавались вменяемыми.

Нелогичность запретительных новелл проявляется и в том, что количество находящегося во владении лица нелетального ОООП ограничено двумя единицами, в то время как смертоносного оружия разрешается иметь гораздо больше – до 5 гладкоствольных охотничьих ружей и до 10 единиц нарезного спортивного и охотничьего оружия, а при коллекционировании их число не ограничено! (ст. 13 ч. 11).

Перестраховочность и избыточное недоверие законодателя даже к гражданам, проверенным многолетней безупречной службой, связанной с владением табельным оружием, проявляется и в том, что исключены из числа лиц, не обязанных при перерегистрации оружия проходить проверку знаний правил и наличия навыков безопасного обращения с ним, пенсионеры силовых структур (ст. 13 ч. 19), хотя такой льготой они пользуются при приобретении оружия впервые (ст. 13 ч. 18), а до недавнего времени пользовались и при перерегистрации, что совершенно логично и оправданно.

Стоит рассмотреть вопрос: насколько обоснованно производится ужесточение законодательства, регулирующего законный оборот оружия? В 2017 г. начальник Главного управления государственного контроля и лицензионно-разрешительной работы Росгвардии генерал-майор полиции Леонид Веденев в интервью «Российской Газете» сообщил, что в законном обороте находится более 5 186 000 единиц гладкоствольного и нарезного охотничьего оружия. Случаев криминального исполь-

зования любого зарегистрированного оружия, включая травматiku (ОООП), совсем немного – стабильно 4–5 сотен в год. При общем числе владельцев 4,34 миллиона – это более, чем удовлетворительный показатель (0,01%). Одна из застарелых ошибок общественного мнения – считать, будто чаще всего преступники используют огнестрельное оружие ограниченного поражения. Просто такие случаи вызывают резонанс, поскольку в них нередко фигурируют медийные персонажи. Из общего числа стволов в 6,6 миллиона на травматiku приходится 909 тысяч, за последний год произошло снижение этого количества почти на 32 тысячи, а число преступлений с таким оружием не превосходит полутора сотен в год (0,02%) [9. С. 1, 5].

Надо отметить, что тенденция необоснованного, без каких-либо криминологических исследований, заключения специалистов, анализа статистики либо иных объективных факторов, принятия новых запретительных законов якобы для профилактики преступлений касается не только «оружейных» законов и имеет тенденцию к росту, причем законы зачастую принимаются после очередного «резонансного» преступления или по усмотрению отдельного депутата, либо депутатской группы. Дело доходит до смешного: например, учащение взрывов бытового газа повлекло абсурдное предложение... исключить газ из бытового оборота!

Уходу от оценки реальных причин и условий преступности и подмене большой, затратной и эффективной профилактической работы принятием скоропалительных и заведомо неработоспособных законов сопутствует маскировка подлинных причин и условий мнимыми, но более удобными.

Так, в последние годы депутаты и журналисты били тревогу в связи с якобы увеличением числа детских самоубийств, связывая это с появлением так называемых групп смерти, склоняющих к суицидальному поведению посредством сети Интернет и управляемых из-за рубежа. В связи с подобной «тревогой» в уголовный закон введены два новых состава преступления: «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» (ст. 110.1 УК РФ) и «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» (ст. 110.2 УК РФ).

Однако при предметном исследовании данного вопроса оказывается, что с 2010 по 2019 г. количество самоубийств несовершеннолетних не только не росло, но наоборот – снизилось в два раза (с 781 до 372), так же как и число самоубийств взрослых лиц (с 32 500 до 16 700)!

Оказалось также, что никакой разветвленной на всю страну «сети групп смерти» не существует и никакой целенаправленной деятельности по склонению подростков к самоубийству никем не ведется, а многократно упоминавшийся в СМИ злобный «Синий Кит» встречается только в татуировках и выдумках подростков, страдающих психолого-психиатрическими заболеваниями, токсикоманией и имеющих сложные отношения в семье или со сверстника-

ми. При этом, судя по установленным фактам, речь идет не о целенаправленном доведении до самоубийства, а об обычных конфликтах и фрустрациях подростков в ходе общения в Сети.

Этот вывод полностью подтверждается статистикой и судебной практикой. В 2017–2020 гг. в России по ст. 110.1 зарегистрировано 85, а по ст. 110.2 УК РФ – 21 преступление, а осуждено соответственно 11 и 2 человека. Вменяемые одному из них, Будейкину, 15 из 17 фактов склонения к суициду не подтвердились.

Таким образом, есть основания говорить о существовании целого комплекса факторов, определяющих суицидальное поведение детей и требующих целенаправленной и сложной профилактической работы, а «группы смерти» – всего лишь «ложная мишень», которая позволяет отвлечь внимание общества от объективных причин и избежать затратных профилактических мероприятий [10. С. 280–299; 11. С. 207–214; 12. С. 54–55; 13].

Перечень криминологически необоснованных уголовно-правовых запретов, принятых на «потребу дня» и не отвечающих требованиям криминальной ситуации, а потому не применяющихся вообще либо применяющихся в единичных случаях, можно продолжить. Так, не зарегистрировано ни одного преступления по ст. 144.1 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста» (введена в 2018 г.); ст. 149 УК РФ «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования» (действует с 2003 г.); 185.1 УК РФ «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах» (с 2009 г.); ст. 185.2 УК

РФ «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги» (с 2009 г.); ст. 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект» (с 2015 г.).

Статья 141.1 УК РФ «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума» действует с 2003 г., применялась один раз; ст. 185.4 «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг» с 2009 г. применена дважды; ст. 185.6 УК РФ «Неправомерное использование инсайдерской информации» с 2013 г. применялась дважды.

Принятие законов, устанавливающих или усиливающих уголовную ответственность по единичным фактам резонансных преступлений или в силу складывающейся политической конъюнктуры, объясняют, как правило, профилактическими целями. Между тем благое стремление профилировать мерами уголовно-правовой репрессии часто приводит к тому, что уголовная ответственность устанавливается за действия, которые сами по себе не являются общественно опасными, хотя, в принципе, могут перерасти в таковые, а могут, с такой же степенью вероятности, и не перерасти, от чего их «преступная сущность» не изменится.

Последствия такой «упреждающей криминализации» можно наглядно увидеть, если обратиться к удачному, на наш взгляд, определению преступности, данному профессором Я.И. Гилинским: «Преступность есть негативно-отклоняющееся поведение, достигшее степени общественной опасности, определяемой уголовным законом» [14. С. 78]. Схематически это изображено на рис. 2.

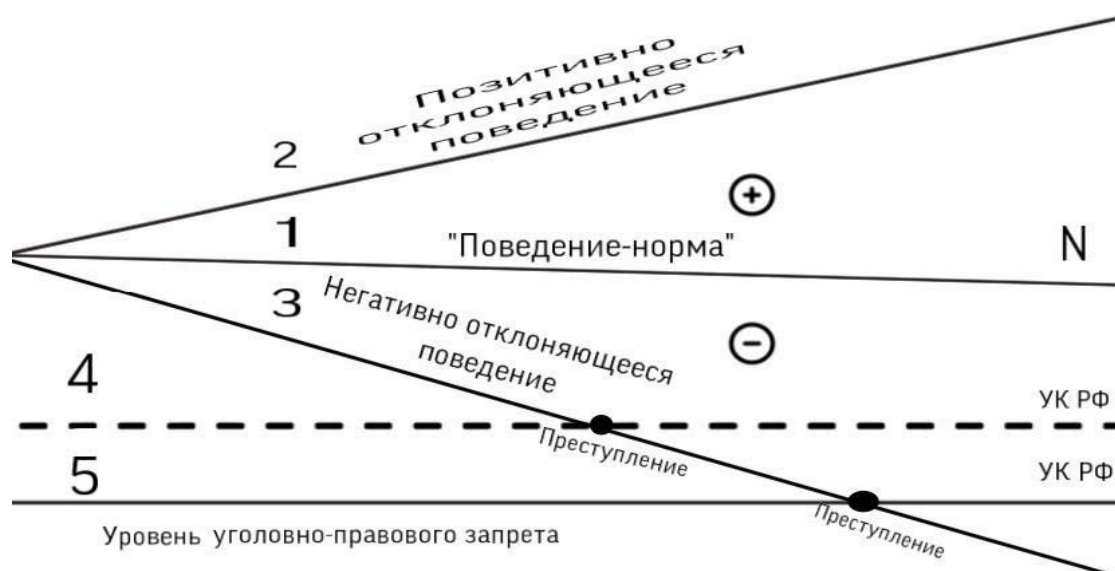

Рис. 2. Схема варианта повышения уровня уголовно-правовых требований

Позитивное поведение (линия 2) отклоняется от общепризнанной усредненной нормы (линия 1) в положительную сторону (участие лица в работе общественных организаций, волонтерство, творческая деятельность,

благотворительность и т.п.), это, безусловно, положительное явление, которое должно одобряться и всемерно поддерживаться обществом. Социально-негативное поведение (рис. 2, линия 3) связано с чрезмерным употреб-

лением алкоголя, совершением административных и аморальных проступков, бытовыми конфликтами, небрежным оформлением служебных документов и т.п. Естественно, оно осуждается обществом, но не является уголовно наказуемым до нарушения уровня уголовно-правового запрета (линия 5), после которого становится преступным со всеми вытекающими последствиями. Если же уровень уголовно-правовых требований будет повышен (линия 4), то момент криминализации смещается назад и преступными становятся действия, которые до этого таковыми не являлись. Это достаточно опасный момент, ибо зачастую таким образом вводится уголовная ответственность за действия, которые сами по себе не обладают общественной опасностью, хотя в дальнейшем и могут привести к совершению преступления. Но, несмотря на лишь вероятностную возможность этого, совершающие их лица становятся преступниками.

Непонятно, какую общественную опасность представляет собой незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ), и кому угрожает их нахождение в свободном обороте. Ведь сами по себе записывающие ручки, часы, брелки и т.п. совершенно безвредны и могут использоваться для обеспечения личной безопасности, в быту и других общественно полезных целях. Другое дело, если данные приборы используются в целях шантажа, незаконного получения секретных сведений, нарушения персональных данных и т.д. Вот тогда виновные должны нести уголовную ответственность за фактически совершенные преступления! В настоящее время применение ст. 138.1 УК РФ вызывает много вопросов, тем не менее в 2019 г. в суд направлено 128 дел этой категории, хотя однажды такое дело было прекращено после личного вмешательства Президента [15] и даже по этому поводу было принято постановление Пленума Верховного Суда! [16]. Не является общественно опасным и не связан с возможностью совершения преступлений ремонт находящегося в законном владении гражданского оружия – это во многом вынужденная мера, ибо специализированных мастерских практически нет даже в крупных городах. Но отремонтировавший свою вещь владелец оружия может быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 223 УК РФ.

Вряд ли представляет общественную опасность «привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости» (ст. 200.3 УК). При отсутствии умысла на мошенничество надлежащие документы могут быть оформлены уже после сбора денег, как нередко и бывает.

Кроме практики *профилактики уголовно-правовыми средствами*, тревожным является и то, что на *стадии претотвращения* уголовные дела стали возбуждаться не по факту конкретных действий, направленных на приготовление к преступлению, и даже не при обнаружении умысла на его совершение (хотя умысел не является законным основанием для уголовно-правового реагирования), но при обнаружении любых фактов, которые толкуются правоприменителями как приготовление, даже если оснований для этого нет и такое толкование

смехотворно. Так, к уголовной ответственности по обвинению в склонении к террористической деятельности и в подготовке теракта (ч. 1 ст. 205.1 и п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ) был привлечен курсант Военно-космической академии имени Можайского Вадим О., который «составил схему казармы и план ее захвата».

С какой целью и какими силами Вадим О. собирался воплощать в жизнь этот безумный план, Московский окружной военный суд не выяснил и принял решение о направлении его на лечение в психиатрическую больницу [17]. Хотя как курсант столь серьезного военного вуза, прошедший строгую специальную проверку, медкомиссии, психофизиологическое тестирование и сдавший вступительные экзамены, мог оказаться невменяемым, также непонятно, как и реальность вменяемого ему умысла. Ведь признание негодности всех фильтров, пропустивших невменяемого агрессора в Военно-космическую академию, должно повлечь применение оргштатных и правовых мер к виновным должностным лицам!

По поводу нижегородского стрелка М. тоже выдвигается «версия» о том, что он «готовил бойню в своем интернате» [18] хотя при ближайшем рассмотрении это не версия, а ни на чем не основанные догадки, которым обстоятельства совершения преступления (в другом месте, против других лиц, в том числе и своих родственников с последующим самоубийством) явно противоречат.

Надо сказать, что законотворчество периода «новой нормальности» весьма противоречиво и, с одной стороны, по непонятным причинам необоснованно завышает уровень уголовно-правового потенциала, а с другой – столь же необоснованно смягчает уголовно-правовую оценку деяний.

Так, эффективность предупреждения более тяжких посягательств применением уголовно-правовых норм с «двойной превенцией» никогда не вызывала сомнений и неоднократно отмечалась в трудах таких известных ученых, как В.Н. Кудрявцев, А.И. Долгова, Э.Ф. Побегайло, В.Е. Эминов, В.В. Лунеев, А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. Однако с определенного периода времени неоспоримый профилактический потенциал этих норм стал игнорироваться законодателем. Фактическая декриминализация хулиганства в 2003 г. и перевод его в административно-правовую сферу привели к тому, что уже к концу 2004 г. регистрируемая часть этого вида преступлений снизилась более чем в пять раз (со 129,5 тыс. до 24,8 тыс.), а к началу 2020 г. – более чем в 60 раз (зарегистрировано 2 тыс. преступлений). Опираясь на официальные данные, можно предположить, что в стране практически не осталось хулиганов, хотя это не так и хулиганские мотивы лежат в основе значительного количества насильственных преступлений. Аналогичная картина наблюдается и вследствие декриминализации побоев. Если в 2016 г. было зарегистрировано более 70 тыс. подобных преступлений, то к 2021 г. их число снизилось в 12 раз. При этом в связи с нанесением побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ), в 2020 г. зарегистрировано 4 272 деяния.

Поэтому законодательные решения, связанные с декриминализацией преступлений, посягающих на личность, следует признать прямо противоречащими научным принципам профилактики и способствующими разрушению нравственных основ уголовного права. Допустимым и фактически оправданным начинает считаться то, что прежде категорически отрицалось.

То, что сегодня реальные приоритеты в борьбе с преступностью не связаны с решением главной задачи – обеспечения личной безопасности граждан и восстановления прав потерпевших от преступлений, следует из анализа принятого ФЗ «Об основах системы профилактики». В документе не только наблюдается смешение криминологической терминологии («профилактика», «предупреждение», «пресечение»), но и отсутствует описание конкретных механизмов профилактики. К индивидуальной профилактике, в частности, относится необходимость оказания помощи жертвам преступлений и лицам, подверженным риску стать таковыми. Но в действительности перемен произошло не так много, о чем свидетельствуют результаты конкретных криминологических исследований. В 2020 г. сумма, подлежащая возмещению от преступлений, составила 629,9 млн рублей, при этом в реальности исполнено 0,3% (1,8 млн) [19]. Следует учесть, что восстановление имущественных прав потерпевших – далеко не все обязательства, стоящие перед государством. В секторе работы, связанном с оказанием психологической, правовой, социальной, медицинской и иной поддержки указанным лицам, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 27 ФЗ «Об основах системы профилактики»), вопросов значительно больше. Выборочный мониторинг результатов работы региональных межведомственных комиссий по профилактике правонарушений показывает, что из предусмотренных законодательством форм помощи (в целях минимизации последствий правонарушений либо снижения риска стать пострадавшими от правонарушений) упоминаются только направленные на предупреждение наркомании, алкоголизма и правонарушений несовершеннолетних. Таким образом, о мероприятиях по психологической, социальной, медицинской и иной поддержке жертв уже совершенных преступлений, а также контактной работе с ними в обозначенных направлениях ничего не говорится вообще.

Не следует забывать, что успешная профилактическая работа предполагает восприятие гражданами правоприменительной практики и всей деятельности правоохранительных органов как справедливых. Однако жизнь дает наглядные примеры, прямо противоположные справедливости. Так, депутат Госдумы Белоусов, обвиняемый в получении в составе группы взятки в 3 млрд рублей, до суда оставлен под подпиской о невыезде, причем его дипломатический паспорт хотя и признан недействительным, но не изъят, «так как парламентарий потерял его, или оставил в частном владении в Испании» [20]. В то же время взят под стражу глава комитета мэрии Новосибирска Лобыня, получивший взятку в 200 тыс. рублей и не имеющий дипломатического паспорта [21].

Как необоснованная криминализация, так и неоправданная декриминализация, несомненно, являются негативными явлениями. И все же первая тенденция вызывает большую тревогу. Максимальная криминализация, по выражению А.Д. Антонова, одинаково опасна как для общества, так и для правонарушителя [22]. Давно предостерегают об избыточности криминализации ученые-сторонники «маленького, но жесткого» Уголовного кодекса, по мнению которых, преступлениями могут быть лишь самые опасные деяния, причиняющие существенный вред охраняемым объектам: убийство, изнасилование, разбой, государственная измена и т.п. [23. С. 310; 24. С. 309].

В этой связи по-прежнему актуальна сформулированная Ч. Беккариа аксиома относительно роли уголовных запретов в сфере противодействия преступлениям, чрезмерность которых оказывает не предупредительный, а прямо противоположный эффект: «Запрещать множество безразличных действий – не значит предупреждать преступления», а произвольное расширение круга уголовно-наказуемых деяний увеличивает вероятность их совершения [22. С. 150].

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. В условиях «новой нормальности» возобладал ряд негативных тенденций принятия и применения уголовных норм в целях предупреждения преступлений. В частности, их пытаются использовать на стадии профилактики, когда задачей является нейтрализация причин и условий на общесоциальном уровне путем устранения социальных недостатков и диспропорций с помощью экономических, культурно-воспитательных, организационно-управленческих и подобных мер.

2. Принятие и применение новых уголовных законов зачастую носит хаотический и бессистемный характер, не основанный на глубоком криминологическом изучении ситуации и нередко вызванный «резонансным» преступлением или субъективным усмотрением законодателя. Вследствие этого законодательство постоянно меняется в сторону криминализации, а ряд принятых законов не применяется или не достигает своей цели.

3. Вместо воздействия на причины и условия преступности с целью их нейтрализации меры профилактики зачастую обращают на предметы, орудия и средства совершения преступлений, вводя ограничительные и запретительные режимы для их оборота. Вполне естественно, что цели профилактики при этом не достигаются. «Упреждающая профилактика» приводит к криминализации деяний, не обладающих общественной опасностью и имеющих лишь вероятность перерастания в преступление.

4. На стадии предотвращения преступлений, когда применение уголовно-правовых норм является допустимым, появилась опасная тенденция возбуждения уголовных дел не по факту конкретных действий, направленных на приготовление к преступлению, и даже не при обнаружении умысла на его совершение, но при обнаружении любых фактов, которые толкуются как приготовление, даже если никаких оснований для этого нет.

5. С сожалением приходится констатировать встречающееся затушевывание подлинных причин преступности мнимыми, связанными с неким «внешним» воздействием. Это возврат к старому: в советские времена уже отрицалось наличие причин преступности в обществе, строящем коммунизм, а существование преступности объяснялось пережитками прошлого в сознании отдельных людей и влиянием капиталистического окружения. В свое время этот постулат был подвергнут разгромной критике и, думается, что возвращаться к столь сомнительному утверждению в XXI в. не стоит.

6. Планируя предупредительно-профилактическую работу, следует исходить из того, что самоубийства несовершеннолетних и многочисленные, ранее неизвестные акты насилия со стороны молодых людей (избиения сверстников и младшеклассников с видеозаписью и последующим размещением в интернете, анало-

гичные действия с жестокими убийствами животных, перестрелки с полицией, убийства и поножовщины в школах с последующим самоубийством виновных) основаны на внутренних причинах современного российского общества. Отчужденность отдельного человека, равнодушие друг к другу, неудовлетворенность своим положением, социальная фрустрация, огрубление нравов, агрессия и насилие, беспрецедентное расхождение общества по материальным и властным признакам, заменившим марксовское деление общества на классы в связи с отношением к собственности на средства производства, избирательное действие закона, отсутствие справедливости, стрессы, вызванные пресловутым ЕГЭ, – в этом надо искать причины упомянутых негативных явлений. «Перевод стрелок» на «группы смерти» и «иностранных эмиссаров» играет плохую роль, ибо отвлекает внимание от истинных причин и препятствует борьбе с ними.

Список источников

1. Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития Российского общества: понятие, содержание, принципы // Российский криминологический журнал. 2016. № 10/4.
2. Корецкий Д.А. «Новая нормальность» в общественном сознании и юриспруденции: норма или патология? // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : сб. материалов Всерос. науч.-теоретической конф. 19 мая 2017 г. Ч. 2. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД РФ, 2017.
3. Корецкий Д.А. Феномен «новой нормальности» в юриспруденции // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (4-е Саратовские уголовно-правовые чтения). Саратов, 2019.
4. Корецкий Д.А. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 4 (11).
5. Melanda F.N., Salvagioni D.A., Mesas A.E. recurrence of violence against teachers: two-year follow-up study // Journal of interpersonal violence. 2019. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0886260519861659>
6. Совет Федерации предложит повысить возраст для покупки оружия // Керчь ИНФО. URL: <https://kerchinfo.com/13526-sovet-federacii-predlozhit-povysit-vozrast-dlya-pokupki-oruzhiya.html> (дата обращения: 18.10.2018).
7. После расстрела в Нижнем Новгороде в госдуме предложили повысить возраст владения оружием // Национальная служба новостей. URL: <https://nsn.fm/society/gosduma-mozhet-povysit-vozrast-vladieniya-oruzhiem-posle-rasstre-la-v-nizhnem-novgorode> (дата обращения: 14.10.2020)
8. Корецкий Д.А., Землянухина Л.М. Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003.
9. Фалалеев М. «Стволы цветут» // Российская газета. 02.02.2017.
10. Стешич Е.С. Криминология гомицида. М. : Юрлитформ, 2019. 540 с.
11. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Самоубийства как элемент изучения гомицидальной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 207–214.
12. Barnes D. The truth about suicide / R.N. Golden (general editor), F.L. Peterson (general editor) ; D.H. Barnes (principal author). New York, 2010. 160 p.
13. Sher L., Vilens A. Internet and Suicide. New York : Nova Science PublisherS, INC., 2009. 452 p.
14. Гилянский Я.И. Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2001. № 3. С. 78–90.
15. Пичурина В. Крупный рогатый шпион // Российская газета – Неделя № 94(7557). URL: <https://rg.ru/2018/05/03/prokuratura-izvinilas-pered-fermerom-za-delo-o-gps-maiachke-dlia-korovy.html> (дата обращения: 03.05.2018).
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.
17. Черкасов В. Дело курсанта Вадима Осипова // Агора. URL: <https://agora.legal/cases/show/Delo-kursanta-Vadima-Osipova/177>
18. Нечаусова Е. «Нижегородский стрелок» готовил бойню в своем интернете // Экспресс газета. URL: <https://www.eg.ru/society/accident/959730-nijegorodskiy-strelok-gotovil-boynyu-v-svoem-internete/> (дата обращения: 13.10.2020).
19. Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей за январь–декабрь 2020 года. Форма 011, раздел 5 // Федеральная служба судебных приставов. URL: <http://fssprus.ru/statistics>
20. Дело депутата Госдумы о взятке в три миллиарда рублей направлено в Москву // Аргументы и Факты. URL: https://aif.ru/society/law/delo_deputata_gosdumy_o_vzyatke_v_tri_milliarda_rublej_napravleno_v_moskvu
21. Взяточник из Новосибирска пробудет под арестом два месяца // Народные новости. URL: <https://nation-news.ru/region/novosib/559515-vzyatochnik-iz-novosibirska-probudet-pod-arestom-dva-mesyaca>
22. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 182 с.
23. Гилянский Я.И. Криминология. Курс лекций. СПб. : Питер, 2002. 378 с.
24. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. 561 с.
25. Беккариа Ч. Преступление и наказание. М. : ИНФРА-М, 2018. 184 с.

References

1. Zhubrin, R.V. (2016) Preduprezhdenie prestupnosti na sovremennom etape razvitiya Rossiyskogo obshchestva: ponyatie, sodержanie, printsipy [Crime prevention at the present stage of development of Russian society: concept, content, principles]. *Rossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 10/4. pp. 627–637. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).627-637

2. Koretskiy, D.A. (2017) ["New normality" in public consciousness and jurisprudence: norm or pathology?]. *Ugolovnaya politika Rossiyskoy federatsii: problemy formirovaniya i realizatsii* [Criminal Policy of the Russian Federation: Problems of Formation and Implementation]. Proceedings of the All-Russian Conference. Part 2. Rostov-on-Don. 19 May 2017. Rostov-on-Don: RYul MVD RF. (In Russian).
3. Koretskiy, D.A. (2019) [The phenomenon of "new normality" in jurisprudence]. *Ugolovno-pravovoe vozdeystvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti* [Criminal Law Impact and Its Role in Crime Prevention]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Saratov. 30 September – 01 October 2019. Saratov: Saratov State Academy of Law. (In Russian).
4. Koretskiy, D.A. (2020) Terminological innovations of "new normality" and legal consequences of them. *Ural'skiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Ural Journal of Legal Research*. 4 (11). (In Russian). DOI: 10.34076/2658-512X-2020-4-123-131
5. Melanda, F.N., Salvagioni, D.A. & Mesas, A.E. (2019) recurrence of violence against teachers: two-year follow-up study. *Journal of interpersonal violence*. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0886260519861659>. DOI: 10.1177/0886260519861659
6. Kerch' INFO. (2018) Sovet Federatsii predlozhit povysit' vozrast dlya pokupki oruzhiya [The Federation Council will propose to raise the age for buying weapons]. *Kerch' INFO*. [Online] Available from: <https://kerchinfo.com/13526-sovet-federatsii-predlozhit-povysit-vozrast-dlya-pokupki-oruzhiya.html> (Accessed: 18.10.2018).
7. Natsional'naya sluzhba novostey (NSN). (2020) Posle rasstrela v Nizhnem Novgorode v gosdume predlozhili povysit' vozrast vladeniya oruzhiem [After the shooting in Nizhny Novgorod, the State Duma proposed to raise the age of gun ownership]. *Natsional'naya sluzhba novostey (NSN)*. [Online] Available from: <https://nsn.fm/society/gosduma-mozhet-povysit-vozrast-vladeniya-oruzhiem-posle-rasstrela-v-nizhnem-novgorode> (Accessed: 14.10.2020).
8. Koretskiy, D.A. & Zemlyanukhina, L.M. (2003) *Lichnost' vooruzhennogo prestupnika i preduprezhdenie vooruzhennykh prestupleniy* [The Identity of an Armed Criminal and the Prevention of Armed Crimes]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
9. Falaleev, M. (2017) "Stvolny tsvetut" ["Trunks bloom"]. *Rossiyskaya gazeta*. 2 February.
10. Steshich, E.S. (2019) *Kriminologiya gomitsida* [Criminology of Homicide]. Moscow: Yurilitform.
11. Koretskiy, D.A. & Steshich, E.S. (2019) Suicides as an element of studying homicidal crime. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2 (13). pp. 207–214. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).207-214
12. Barnes, D.H. (2010) *The Truth about Suicide*. New York: Facts on File.
13. Sher, L. & Vilems, A. (2009) *Internet and Suicide*. New York: Nova Science PublisherS, INC.
14. Gilinskiy, Ya.I. (2001) Ponyatie prestupnosti v sovremennoy kriminologii [The concept of crime in modern criminology]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo instituta General'noy prokuratury RF*. 3. pp. 78–90.
15. Pichurina, V. (2018) Krupnyy rogatyy shpion [Large horned spy]. *Rossiyskaya gazeta*. 94 (7557). [Online] Available from: <https://rg.ru/2018/05/03/prokuratura-izvinilas-pered-fermerom-za-delo-o-gps-maichke-dlia-korovy.html> (Accessed: 03.05.2018).
16. Consultant Plus. (2018) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 46 "On some issues of judicial practice in cases of crimes against the Constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Criminal Code of the Russian Federation)"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Cherkasov, V. (n.d.) Delo kursanta Vadima Osipova [The case of cadet Vadim Osipov]. *Agora*. [Online] Available from: <https://agora.legal/cases/show/Delo-kursanta-Vadima-Osipova/177>.
18. Nechausova, E. (2020) "Nizhegorodskiy strelok" gotovil boynyu v svoem internate ["Nizhny Novgorod shooter" was preparing a massacre in his boarding school]. *Ekspress gazeta*. [Online] Available from: <https://www.eg.ru/society/accident/959730-nijegorodskiy-strelok-gotovil-boynyu-v-svoem-internate/> (Accessed: 13.10.2020).
19. Federal Bailiffs Service. (2020) *Osnovnye pokazateli raboty sudebnykh pristavov-ispolniteley za yanvar' – dekabr' 2020 goda. Forma 011, razdel 5* [The main performance indicators of bailiffs for January – December 2020. Form 011, section 5]. [Online] Available from: <http://fssprus.ru/statistics>.
20. Argumenty i Fakty. (2020) Delo deputata Gosdumy o vzyatke v tri milliarda rubley napravleno v Moskvu [The case of a State Duma deputy about a bribe of three billion rubles was sent to Moscow]. *Argumenty i Fakty*. 25 September. [Online] Available from: https://aif.ru/society/law/delo_deputata_gosdumy_o_vzyatke_v_tri_milliarda_rubley_napravleno_v_moskvu.
21. Narodnye novosti. (2020) Vzyatochnik iz Novosibirsk probudet pod arestom dva mesyatsa [A bribe taker from Novosibirsk will stay under arrest for two months]. *Narodnye novosti*. 27 September. [Online] Available from: <https://nation-news.ru/region/novosib/559515-vzyatochnik-iz-novosibirsk-probudet-pod-arestom-dva-mesyaca>.
22. Antonov, A.D. (2001) *Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii* [Theoretical foundations of criminalization and decriminalization]. Law Cand. Diss. Moscow.
23. Gilinskiy, Ya.I. (2002) *Kriminologiya. Kurs lektsiy* [Criminology. Course of lectures]. Saint Petersburg: Piter.
24. Shestakov, D.A. (2006) *Kriminologiya: Nove podkhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire* [Criminology: New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press.
25. Beccaria, C. (2018) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Translated from Italian. Moscow: INFRA-M.

Информация об авторах:

Корецкий Д.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: koretski@mail.ru

Стешич Е.С. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: esteshich@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Danil A. Koretsky, Dr. Sci. (Law), professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: koretski@mail.ru

E.S. Steshich, Dr. Sci. (Law), professor, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Rostov-on-Don, Russian Federation), E-mail: esteshich@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021;
одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 26.09.2021;
approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.